

Е.В. ЕФИМОВА
(Нижний Новгород)

СЕМАНТИКА ЛЕКСЕМЫ «ЛЮБОВЬ» В ПОВЕСТИ Л.Н. ТОЛСТОГО «КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА»

Рассматриваются семантические особенности поля «любовь» в повести Л.Н. Толстого «Крейцера соната». Данная лексическая единица реализует широкий спектр имплицитных смыслов, актуальных для толстовской мысли конца 1880-х гг. и связанных с телесным и духовным началами.

Ключевые слова: *семантика, любовь, хронотоп, сема, смысл, значение.*

Тема любви в той или иной степени затрагивается во многих художественных произведениях Л.Н. Толстого. Концептуальная составляющая понятия «любовь» переходит из произведения в произведение, но его семантический потенциал варьируется, что объясняется эволюцией философско-эстетических воззрений автора.

В художественном мире произведений Л.Н. Толстого до кризисного творческого периода физические и духовные влечения героев в равной степени рождали ощущение радости жизни, удивительного душевного подъема. Религиозный кризис, наметившийся у Л.Н. Толстого в конце 1870-х гг. и продолжавшийся вплоть до конца его дней, изменил взгляд писателя на любовь. В контексте христианского учения наиболее полно для писателя духовное начало проявляется в любви – не чувственной («животной») и по существу эгоистической, а понимаемой как бескорыстное стремление делать ближнему добро, как благоволение к миру, пережитое в детстве каждым человеком. Такая любовь, по Л.Н. Толстому, представляет собой достойное человека состояние. Эгоистические же, чувственные стремления неизбежно приводят к терзаниям, тогда как духовная любовь способна сами страдания обратить во благо.

Художественным выражением кризисного состояния, в котором оказывается большинство героев поздних произведений Толстого, становятся сквозные мотивы ухода, мучительного переосмысления пройденного пути, деформации привычной шкалы цен-

ностных ориентиров. Глубоко автобиографические корни имеют здесь и вопросы семьи, брака, телесной жизни человека, приобретающие особенно драматичное звучание для индивидуального и общественного сознания «порубежной» эпохи («Крейцера соната», «Дьявол», «Воскресение», «Власть тьмы», «Живой труп» и др.). С этой точки зрения интересна реализация семантических особенностей лексемы *любовь* в повести Л.Н. Толстого «Крейцера соната».

В «Семантическом словаре» Н.Ю. Шведовой интересующая нас единица входит в семантическую группу «Разные чувства, эмоциональные состояния, их проявления». Данный блок включает в себя следующие лексемы: *взаимность, влечение, влюбленность, любовь, нежность, обожание, привязанность, приязнь, симпатия, страсть, увлечение, чувство* [4, с. 246–247].

Согласно семантическому словарю, *взаимность* – чувство взаимного расположения друг к другу, взаимная любовь [Там же]. В повести лексическая единица *взаимность* как потенциал доминанты *любовь* употреблена лишь однажды. Интересно употребление данной лексемы для обозначения «взаимной ненависти» (2 употребления), а также «игры взаимного обманывания». Таким образом, смена частеречной принадлежности в рамках данного текста меняет семантическое наполнение исходной лексемы. Это свидетельствует о том, что в тексте реализуются следующие семы данной лексической единицы: ‘чувство’, ‘взаимный’, ‘любовь’, а также неуказанные семы: ‘ненависть’, ‘обман’, ‘игра’. То, что должно актуализировать доминанту с положительной коннотацией (*любовь*), приобретает дополнительные оттенки значения (*злоба, ненависть*), что ставит под сомнение абсолютность исходной доминанты (*любовь*).

Влечение – чувство расположения к кому-н., желание близости [Там же, с. 246]. В пределах рассматриваемого текста данная лексическая единица реализуется в рамках семантического поля «семья» для описания отношения матери к ребенку. Данная лексема не является частотной для текстового пространства повести и реализует семы ‘чувство’, ‘близость’.

Привязанность – чувство близости, неизменной преданности [Там же]. Компонен-

ты данной семантической единицы – *чувство, близость, преданность* – находят свое отражение в двух контекстах: первый посвящен преданности женщины, которая «могла бы связать» героя; второй контекст описывает чувство близости и преданности матери к своим детям. Отличительной особенностью второго контекста является определение этого чувства как животного, что свидетельствует о первобытной природе привязанности матери к ребенку. Интересно отметить, что привязанности имеет описательный компонент – *страстная*. Однородные определения *страстный, животный* в данном контексте актуализируют интенсивность чувства, его неконтролируемость.

Любовь – это 1) чувство глубокого расположения, самоотверженной привязанности; 2) глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство. ‘Чувство’, ‘глубокий’, ‘самоотверженный’, ‘привязанность’, ‘эмоции’, ‘сильный’, ‘сердечный’ – основные семы данного понятия. Частотность данной лексики в тексте (более 60 употреблений) выявляет все компоненты значения описываемой лексики, кроме «самоотверженный». Поскольку данный компонент предполагает жертвование «своими интересами ради других, ради общего блага» [2, с. 607], что не соотносится с идеей произведения, то компонент не нашел реализации в рамках текста. «Ясно, что это не любовь, а эгоизм» [3, с. 326], – противительный союз подчеркивает невозможность любви при наличии эгоизма.

Компонент ‘сердечный’ (‘искренний’, ‘душевный’) находит отражение в семантической дескрипции «любовь духовная» (согласно классификации, данной в тексте).

Семантический словарь в качестве примеров употребления лексики *любовь* приводит словосочетание *брак по любви*. Оно актуально для исследуемого текста, поскольку данная семантическая номинация вводится с первых глав повести, где герои рассуждают о необходимости любви для вступления в брак, а главный герой рассказывает историю одного из таких браков.

«– Ну да как же жить с человеком, когда любви нет?» [Там же, с. 323] – спрашивает дама в полилоге о любви и браке, происходящем в вагоне поезда и являющемся хронологически важным компонентом повести. Вместо номинативной лексики *брак* употреблено глагольное словосочетание *жить с человеком*. Таким образом, священный смысл исход-

ной лексики пропадает, остается лишь рамка «жить под одной крышей с другим человеком». По мнению дамы, любовь и брак являются неделимым целым: «брак без любви не есть брак, что только любовь *освящает* брак и что брак истинный только тот, который *освящает* любовь (курсив мой. – Е.Е.)» [Там же, с. 326]. Семантическое поле лексики *любовь*, таким образом, расширяется и включает в свой состав семы ‘свет’, ‘святость’.

Рефлексия на тему любви плотской, которая также является неотъемлемой составляющей лексики *брак*, в контексте повести актуализируется лексемой, обозначающей состояние страсти в ее диком, грубом проявлении: «Тогда мы не понимали, что эта любовь и злоба были то же самое животное чувство, только с разных концов» [Там же, с. 359]. Сема ‘любовь’ в данном контексте приравнивается к семе ‘злоба’. Их взаимоотношение включает антонимию и синонимию одновременно (ср.: *начало и конец, жизнь и смерть*). Животное воспринимается как носитель низменного, а поэтому негативного (‘злоба’), телесного (‘плотская любовь’).

Итак, понятие «любовь» в текстовом пространстве толстовской мысли реализует некоторые смысловые черты, не указанные в словаре, что свидетельствует об имплицитных приращениях смысла описываемого слова.

Лексема *любовь* в словаре синонимов русского языка представлена следующим рядом: *привязанность, обожание, страсть, влюбленность, влечение, увлечение, сердечная склонность, (нежное) чувство, эрос, нежная страсть* [1, с. 207]. В повести Л.Н. Толстого особую значимость приобретают синонимические единицы *любовь, привязанность, страсть, влечение, увлечение*. О важности доминанты *любовь* в контексте произведения свидетельствует ее частотность (в тексте оно имеет около 60 употреблений, в то время как его синонимы используются в пределах 10 употреблений каждый).

Любовь, согласно словарю С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, имеет следующие значения: 1) глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство; 2) чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности; 3) постоянная, сильная склонность, увлеченность чем-н.; 4) предмет любви (тот или та, кого кто-н. любит, к кому испытывает влечение, рас-

положение); 5) пристрастие, вкус к чему-н.; б) интимные отношения, интимная связь [2, с. 286].

Все представленные значения реализованы в тексте повести, но семантические взаимоотношения данной лексической единицы в текстовом пространстве порождают новые смысловые сцепления. Лексема *любовь* содержит в себе семантическую оппозицию 'телесное' и 'духовное'. Этот контраст подчеркнут у Л.Н. Толстого. Любовь духовную писатель определяет как идеальную и противопоставляет плотской. Оппозиция подчеркивается определениями *духовная, плотская*.

Контекстное употребление лексемы *любовь*, как правило, содержит яркую коннотативную окраску: «эта моя любовь», «любовь, как мы ее называем». Подобное употребление лексемы отсылает к тому значению данной лексемы, которое актуально для участников коммуникации. При этом заметна актуализация сем, аксиологическая сущность которых заключается в циничном восприятии любви.

Семантически объем понятия «любовь» выражается в речи дамы из инициальной сцены-полилога: «Любовь есть исключительное предпочтение одного или одной перед всеми остальными» [3, с. 326]. Позднышев оппонировать, указывая на темпоральность данного «предпочтения»: «Предпочтение на сколько времени?» [Там же]. Далее в его речи актуализируется семантический компонент, связанный с телесностью этого чувства: «всякий мужчина испытывает то, что вы называете любовью, к каждой красивой женщине» [Там же, с. 327].

Лексема *любовь* семантически раздвоена в сознании Позднышева, что особенно заметно в начале повести. Герой, рассказывая о своем воспитании, юношестве, несколько раз произносит фразу *любовь, как вы ее понимаете*. Местоимение 2-го лица множественного числа употреблено в обобщающем значении, под ним подразумеваются все «непозднышевы». Именно это и позволяет говорить о любви в разных ее смыслах: *любовь как у всех* и *любовь по-поздышевски*.

Говоря о прошлом, Позднышев и себя причисляет к тем, для кого *любовь* приравнивалась к *любви телесной*. Позднышев-рассказчик осознает это и анализирует: «Ведь мы, мужчины, только не знаем, и не знаем потому, что не хотим знать, женщи-

ны же знают очень хорошо, что самая возвышенная, поэтическая, как *мы ее называем* (курсив мой. – Е.Е.), любовь зависит не от нравственных достоинств, а от физической близости и притом прически, цвета, покроя платья» [Там же, с. 335–336].

Таким образом, Позднышев существует в двух хронотопах: в поезде и в повествоваемых им же событиях. Это и определяет разную семантическую сущность *любви*. Вкладываемые смыслы определяются разным уровнем развития сознания и самосознания героя. Позднышев-попутчик, преодолевший в себе внутренний разлад, делает акцент на любовь духовную.

Семантические составляющие лексемы *любовь* в реализации компонента 'глубокая эмоциональная привязанность' выражены в следующем высказывании Позднышева: «Ну, если любовь духовная, духовное общение, то словами, разговорами, беседами должно бы выразиться это духовное общение» [Там же, с. 341].

Таким образом, в зависимости от контекста лексема *любовь* актуализирует один из компонентов значения – 'влечение' или 'эмоциональная привязанность'. Следует отметить, что *любовь* является доминантной единицей для синонимического ряда и вбирает в себя всю полноту чувства, эмоций, привязанности, а в конечном итоге разделяет их на духовные и плотские.

Лексема *привязанность*, синоним слова *любовь*, в своем словарном толковании не включает семы 'сильное эмоциональное влечение', эмоциональная составляющая здесь снижена, поэтому *чувство* как родовой компонент приобретает нейтральный оттенок: «чувство близости, основанное на преданности, симпатии к кому, -чему-н.» [2, с. 509]. В тексте повести лексема *привязанность* функционирует как абсолютный синоним родовому понятию «любовь»: «брак должен вытекать, во-первых, из привязанности, любви, если хотите» [3, с. 326]. Данный контекст имплицитно подчеркивает эмоциональную составляющую чувства, семантическая нейтральность смещается в область эмоциональной насыщенности. Однако при этом и смысловая насыщенность меняется: происходит переход из области телесного влечения в область влечения духовного.

Таким образом, *любовь* и *привязанность* близки по степени проявления чувства, но

первое реализует себя и в телесном, и в духовном, второе только в духовном: «Любовь – союз душ, и вместо этого вот что! – глубокая привязанность» [3, с. 341]. Акцент данного употребления – высокое понимание *любви*, которое в религиозном сознании проецируется на соединение душ по воле Бога, т.е. любви придается мистически возвышенное значение. Лексема *привязанность* ассоциирует переход от низшей формы любви к ее высшему проявлению (*земное – истинное, духовное*): «это только животных можно спаривать, как хозяин хочет, а люди имеют свои склонности, привязанности» [Там же, с. 323]. Таким образом, у лексемы *привязанность* возникают смысловые приращения, выраженные через семы ‘духовная близость’, ‘преданность’.

Частотность данной лексемы гораздо ниже частотности родового понятия, но гораздо выше количественных характеристик других синонимов (*привязанность* – 7 употреблений, *страсть* – 3 употребления, *увлечение* – 2 употребления, *влечение*, *влюбленность* – по 1 употреблению), что говорит о важности данной единицы и о полноте раскрываемых ею смыслов.

Таким образом, семантическое поле «любовь» в повести Л.Н. Толстого представлено в диалектическом единстве *любви плотской* и *любви духовной*. Компоненты, выделенные для описания ядерной единицы *любовь*, реализуют, как правило, обе стороны ключевого понятия, что подчеркивает его неделимость. Коррелируемые понятия «любовь» и «брак», образующие свои семантические поля, в тексте повести находятся на пересечении другого поля – «семья».

Выявленные в процессе анализа семантические особенности лексемы *любовь* вполне соответствуют взглядам Л.Н. Толстого: естественная плотская любовь между мужчиной и женщиной противопоставлена любви истинной, она не имеет ничего общего с любовью к ближнему, заповеданной Христом Спасителем в Его Евангелии. Плотская любовь стремится доставить любимому земное благополучие. В ней нет постоянства, она может разгореться очень сильно, но нередко после короткого времени легко обращается в отвращение и даже ненависть, что характерно для отношений Позднышева с женой. В период своего наивысшего развития личность с ее плотской любовью хочет безгранично владеть объектом своей люб-

ви (брак в этом случае выступает как законное обладание человеком) и, если не достигает желаемого, способна на многие безрассудные поступки и даже преступления.

Для стяжания истинной духовной любви автор предлагает умертвить в себе плотскую любовь и обратиться к жизни по евангельским заповедям. Духовная любовь исполнена простоты и веры, в ней нет подозрительности и ревности, неременное ее качество – мудрая рассудительность.

Литература

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка / под ред. Л.А. Чешко. 5-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1986.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. Екатеринбург : Урал-Советы (Весть), 1994.
3. Толстой Л.Н. Крейцерова соната // Избранное. М. : Правда, 1986. С. 320–394.
4. Шведова Н.Ю. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Азбуковник, 2003. Т. 3.

* * *

1. Aleksandrova Z.E. Slovar sinonimov russkogo yazyika / pod red. L.A. Cheshko. 5-e izd., stereotip. M. : Rus. yaz., 1986.
2. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Slovar russkogo yazyika. Ekaterinburg : Ural-Sovetyi (Vest), 1994.
3. Tolstoy L.N. Kreytserova sonata // Izbrannoe. M. : Pravda, 1986. S. 320–394.
4. Shvedova N.Yu. Russkiy semanticheskiy slovar. Tolkovyy slovar, sistematizirovannyiy po klassam slov i znacheniy / RAN. In-t rus. yaz. / pod obsch. red. N.Yu. Shvedovoy. M. : Azbukovnik, 2003. T. 3.

Semantics of the lexeme “love” in the story by L.N. Tolstoy “The Kreutzer Sonata”

There are considered the semantic peculiarities of the field “love” in the story by L.N. Tolstoy “The Kreutzer Sonata”. This lexical unit implements the wide spectrum of implicit meanings relevant for Tolstoy’s thought of the end of 1880s and relating to physical and spiritual origins.

Key words: *semantics, love, chronotop, seme, sense, meaning.*

(Статья поступила в редакцию 28.10.2013)